

Испанские антропонимы в контексте национальной культуры

Имя собственное в каждой национальной культуре обладает необычайно широким информативным объемом, часто скрытым для инокультурного социума, поскольку имена аккумулируют энергетику и оценку содержания деятельности его обладателя или обладателей, реальных или вымышленных. Изменяющаяся или складывающаяся веками семантика антропонима в гораздо большей степени, чем внутренняя форма имени, определяет его культурную специфичность. В этом смысле антропонимы являются подлинными концептами культуры. Каждая культура словно «дешифрует» имя в ходе своего исторического развития, дополняя новым содержанием и предвосхищая его последующую судьбу. Базовая сема имени может быть наднациональна, задана цивилизацией, религией, мировой историей и т. п., а затем эта сема дополняется национальными компонентами, концепт обрастает новыми и новыми слоями. Ядро концептов имен Петр и Pedro – одно и то же, а судьбы разные. В Андалусии, например, это имя долгое время аккумулировало отрицательную энергию, связанную с ролью Св. Петра в судьбе Христа, а в России ассоциируется прежде всего с Петром I. Родители, нарекая сына именем *Магомед*, *Jesús* или *Владимир*, сознательно или неосознанно закладывают, «моделируют» некую программу его судьбы. Показательна в этой связи глубинная сущность традиции выбора имени римскими папами. Таким образом, следует признать, что круг «говорящих имен» гораздо шире, чем может показаться на первый взгляд, а говорят они в разные эпохи и в разных культурах о том, что накоплено этими культурами за их многовековую историю.

Магия имени – в его мифологеме, энергетике, сумме разнородных компонентов содержания: от звукового облика до сложной системы ассоциаций, имеющей социокультурную природу. Крылатое выражение Плавта «*Nomen est omen*» («Имя – это знамение, судьба») очень точно передает мысль наших предков о том, что имя характеризует его носителя, предвещает или преопределяет его судьбу, качества и свойства характера.

В этой статье мы исследуем информативный объем испанского личного имени, проявление его знакового характера в национальной картине мира, рассмотрим имя в качестве концепта культуры, выделяя ядро и актуальные слои подобных концептов.

Психологическая основа восприятия имен, обусловленная экстралингвистическими факторами, незаслуженно обойдена вниманием филологов. Способность имен собственных становиться маркерами социальных и психологических категорий отметил П. Флоренский, рассуждая о стереотипах восприятия имен: «...каждое данное имя есть целый спектр нравственных самоопределений и пучок различных жизненных путей... С данным именем можно быть святым, можно быть обывателем, а можно – негодяем, даже извергом. Но и святым, и обывателем, и негодяем, и извергом человек данного имени становится не как представитель другого имени..., а по-своему, точнее сказать – по своему имени»¹.

Человеческий язык является семиотической системой особого рода, внутри которой можно выделить подсистему имен собственных в целом и антропонимов в частности. Рассмотрим, как проявляется знаковый характер испанского личного имени в национальной картине мира, как имя функционирует в качестве концепта культуры, выделим ядро и актуальные слои подобных концептов. Антропонимика обычно разграничивает имена литературных и фольклорных персонажей, народные и канонические имена, а также литературные и диалектные, официальные и неофициальные формы личных имен. Важно подчеркнуть, что каждый этнос в каждую эпоху в силу самых разных социокультурных причин имеет свой антропонимикон – свод или реестр личных имен. Поэтому, исследуя функции каждого имени, следует учитывать и особые условия его *бытования* – общественный уклад, религиозные устои, обычаи, господствующие вкусы и влияние моды. В пространстве национальной культуры имя становится своего рода «гиперссылкой», связывающей имя конкретного литературного персонажа, например, со знаковыми системами, в которых данное имя функционировало в прошлом, в других культурах и в других индивидуально-авторских мирах.

Как известно, антропонимы в каждом национальном языке составляют пласт так называемых реалий. По личному имени нам, порой, бывает легче установить принадлежность человека к определенному языковому социуму, чем даже по его внешности. Имя в Испании не только несет информацию о национальности, но часто и о сословии или роли занятий его владельца, его происхождения из какой-либо местности. Так, женские имена *Monserat* и *Macarena*, которые являются сокращенной формой от имени Богородицы: *La virgen de...*, как правило, указывают на то, что обладательница первого имени каталанка или родом из столицы Каталонии – Барселоны, а второе может принадлежать севильянке или андалузке, поскольку речь идет об именах наиболее почитаемых в этих областях Богородиц. Многие жительницы Мадрида носят имя *Almudena* – святой покровительницы этого города, а вот обладатель-

ницы, на первый взгляд, совсем не женского имени *Camino* – почти наверняка родом из Леона, которому покровительствует *Nuestra Señora del Camino*, а сам этот путь – путь Св. Иакова.

Даже само количество имен у испанца социально значимо: для обычного человека достаточно одного-двух имен, а чем знатней был род, тем больше имен (и соответственно упомянутых в имени святых покровителей и именитых предков младенца) содержало личное имя.

Так, правнук Карлоса III, короля Испании, Дон Альфонсо де Борбон и Борбон (1866–1934) был наречен при крещении 89 именами, причем некоторые из них были двойными и писались через дефис. Надо сказать, что отношение простого народа к обилию имен было отнюдь не уважительным, в испанской фразеологии это ярко проявилось в поговорке «*Tiene más nombres que el asno, el borrico, el burro, el cochino, el puerco, el gorrino, el guarro, el marrano*» – ‘у него больше имен, чем у осла или свиньи’ (и всех иных обозначениях этих животных, включая сниженную лексику).

Этот аристократический обычай не вошел в социокультурный контекст XX в. – и у теперешнего короля Испании Хуана Карлоса и его наследника принца Астурийского Фелипе всего по пять имен. Хотя по-прежнему имена монарших особ неслучайны, все они значимы, содержат важную информацию для испанцев, знающих свою историю и культуру. Так, сын одной из испанских инфант – Елены – был крещен довольно редким именем германского происхождения – *Froilán* – Фройлан (от готск. «господин»), имя отсылает нас к Св. Фройлану – покровителю Леона², родины Хайме Маричалара, мужа инфанты.

Будущая наследница престола, новорожденная Леонор, несет в своем имени отблеск славы (судьбы?) семи испанских королей (в XIII–XVI вв. правивших в Кастилии, Арагоне, Наварре) и носивших это имя, а также двух португальских, в их числе прекрасная Леонор Австрийская – дочь Хуаны Безумной и Фелипе Прекрасного³. Не менее значимо и второе имя наследницы – *De Todos los Santos*: его получают при рождении предпологаемые престолонаследники.

В сознании испанцев имена Карлос, Исабель, Кристина, Фелипе, Фернандо, Альфонсо, а сейчас и София, Елена связаны с именами монарших особ. Однако и другие испанские имена социально маркированы. Так, имена *Demetrio, Manuela, Camilo, Matias, Rita, Ricarda* традиционно распространены среди рабочего класса. Во времена фразизма не только лица, причастные к политической элите, называли детей именами *Antonio, Francisco / Francisca, Carmen*.

В настоящее время кумирами становятся герои глянцевого журналов и ТВ: так, именно из-за этого появилось столько девочек по имени

Isabe и *Tamara*, а многие испанские мальчишки получили в соответствующее время имена *Marlon* и *Kevin* и других звезд кино.

Интересным объектом для наблюдения за социальной составляющей испанского ономастического являются телефильмы, в которых шофер обычно зовется *Gastón* либо *Ambrosio*, прислуга – *Tomasa*, *Petra* или *Antonia*, а вот хозяева жизни – *Alejandro*, *Alvaro*, *Sergio*, *Ivan*, *Carolina* или *Angelina*.

Выбор имен городских жителей определяет в настоящее время в равной степени традиция и мода, а также представления о благозвучности имени, тесно связанные с модой. В самом деле, когда-то популярное и казавшееся благозвучным имя *Antonia* сейчас таковым не кажется, а в моде имя *Carlota*. Не выходят из моды и русские имена: *Olga*, *Katia*, *Tania*.

Социальная маркированность имен осознается всеми испанцами, это то, что иностранцам понять бывает очень сложно. А ведь это важное средство характеристики персонажа в художественном произведении, например. Социокультурный диссонанс имен супругов Митрофана и Элеоноры для нас очевиден, а то, что такое благозвучное имя как *Aurelia* для испанцев ассоциируется с «деревенщиной» и контрастирует с аристократическим именем *Borja*, вызывая мысль о мезальянсе, – понять русскому невозможно.

В любом национальном реестре имен существуют имена, представляющие собой особые «национальные бирки», таковы, например, русское имя Иван, испанское Хуан или немецкое Ганс. С одной стороны, такие имена указывают на национальную принадлежность носителя, а с другой, заключают в себе семы каких-то важных черт национального характера или национальной традиции, не всегда связанные со значением внутренней формы имени. Часто такие имена приобретают комплекс нарицательности, причем не всегда одинаково реализующийся в собственной иноязычной картине мира.

Особого внимания заслуживают имена, ставшие неотъемлемой частью картины мира испанцев и одновременно представляющие собой мифологемы, а точнее концепты культуры, неизменное ядро которых в разных культурно-исторических контекстах обрастало новыми актуальными слоями и трансформировалось на протяжении эпох. Рассмотрим в этой связи историю создания стереотипа «Juan español».

Русский и испанский варианты Иван и Juan происходят от др.-еврейск. имени Yohānān – «благодать Божья», а букв.: «Бог даровал» – и несут в себе семы двух Иоаннов – Крестителя и Евангелиста.

В русском языке имя Иван стало мифологемой, образом, а точнее концептом, неизменное ядро которого в разных культурно-исторических контекстах обрастало новыми актуальными слоями. То на первый план выдвиг-

галась сема «удальца-молодца», прикидывающегося дураком (фольклор), либо сема народного воина, готового пожертвовать жизнью ради отечества (Иван Сусанин, русский крестьянин Иван – воин победивший французов и немцев). Для испанцев это русское имя также стало нарицательным, значение которого, как и во всем мире, включает известные положительные и отрицательные коннотации. Отмечу, что это имя пришло в Испанию в 10–20-е гг. XX в. с модой на все русское и с тех пор стало довольно популярно, особенно в образованных кругах и светском обществе. *Ivan* – это модное чуть претенциозное в 30-е гг. имя представителя среднего класса (вспомним героя романа Делибеса «Santos inocentes»). Распространено это имя в Испании и сейчас, особенно в Наварре и Астурии, где оно держится в десятке самых популярных имен.

Испанское имя *Juan* до середины XVIII в. не было самым распространенным в Испании; в конце XVIII – начале XIX вв. *Juan* становится основным героем сказок, а особую популярность это имя приобрело в 30-е гг. XX в. Однако уже с Раннего Средневековья в семантике этого имени-концепта преобладают семы Крестителя и Евангелиста, а затем властителей духовных – римских пап – и светских – королей. Отцами мифологемы Дона Хуана – коварного обольстителя – стали, как известно, Х. Сорилья и Тирсо де Молина, хотя гораздо раньше этот персонаж под другими именами был героем андалузских легенд.

Менее известна трансформация имени-концепта *Juan*, и одновременно создание мифологемы «Испанского Хуана» во времена диктатуры Франко представляют особый интерес – как лингвистический, так и экстралингвистический. Актуальны слои концепта наиболее ярко выделяются в словарной дефиниции слова *Juan*, предложенной Энциклопедическим словарем Сопена, в полной мере отражающим идеологию франкизма.

Juan. m. Germ. Cepo de iglesia. **Juan Español.** Tipo que personifica al pueblo español. Posee caracteres morales y físicos muy precisos (buena fé, lealtad, fuerza, bravura y tenacidad) y se le representa con traje tradicional del campesino, generalmente aragonés o andaluz...⁴

‘Хуан. М. Герм.: «кружка для подаяний в церкви». **Испанский Хуан.** Тип, олицетворяющий испанский народ. Обладает совершенно определенными моральными и физическими качествами (благочестие, лояльность, сила, храбрость и упорство) и предстает в народном костюме крестьянина, как правило, арагонского или андалузского...’.

Первое, что бросается в глаза, – предложенная авторами «достойная» испанского имени этимология – имя стало германским (вопреки всякой логике: имя-то явно библейского происхождения, а значит, древнееврейского!), а его значение приобрело характер одновременно народности и церковности. Олицетворенной в «Испанском Хуане» (ста-

тус идиома или понятия?) испанский народ благочестив и законопослушен и появляется в крестьянском облике арагонца или андалузца. Понятно, что ни галисийцы, ни баски, ни каталонцы по определению быть испанскими Хуанами не могут, правда, неясно, почему в этом отказано кастильскому крестьянину. Ну а ветренику и дуэлянту андалузцу-аристократу Дону Хуану по этому определению испанским Хуаном явно не быть. Мифологема оболстителя, уже традиционная для мировой культуры, отвергнута *сверху*. Очевидна попытка создания идеологически *верного стереотипа*, который традиционно воплощает присущие обыденному сознанию представления и сведения об объекте и отражает эмоциональное отношение к нему.

В «Словаре символов и мифов» Х. А. Переса-Рьехи (1971) читаем, что *Juan Español* – это и есть настоящий «*pueblo español*». Прилагается еще и *Juan del pueblo*, что в свою очередь означает и сам народ, и выходца из народа (Р. 257). Подобное толкование приближает испанского Хуана к русскому Ивану в народно-героической ипостаси.

Имя Хуан довольно популярно в Испании и сейчас, и неизменны шутки по поводу соответствия его обладателя стандарту / стереотипу любвеобильного испанца. Курьезно, что самым модным и стильным в последние 15–20 лет стал английский вариант библейского имени Ионафан – Jonathan (Джонатан), также происходящего от древнееврейского синонима этнонима Иоанна Yonāthān (букв.: «Бог дал»). Курьез заключается еще и в том, что испанцы, заимствовав орфографию имени, произнести его по-английски не отваживаются и вместо *Хонатана* (в соответствии с испанской фонетической нормой) молодых людей зовут *Йонатанами*.

Анализируя особенности функционирования испанских (кастильских) антропонимов, следует подчеркнуть, что в Испании, многонациональной и полиэтнической стране, личное имя стало своего рода элементом языковой политики, и поэтому сегодня, когда ваши собеседники, говорящие по-испански на территории любой из областей Испании, представляясь, называют свои национальные имена: *Ferran* или *Errando*, они подчеркивают этим то, что они не кастильцы – *Fernando*, и что первый из них – каталонец, а второй – баск. По имени *Gorka (Joge)* можно определить баска, а каталонца по имени *Jaume*. Звуковой облик имени может разниться в национальных языках еще сильнее, и поэтому узнать в галисийском имени *Rol* его кастильский вариант *Rodrigo* довольно трудно.

Отметим при этом, что национальные варианты имен будут заключать в себе разную информацию для носителей разных культурных тра-

диций, и поэтому имя каталонского Жуана (*Joan*) свободно от комплекса нарицательности севильского Хуана.

Как я упомянула выше, севильский обольститель в андалузских легендах не носил имя Хуана и чаще всего был доном Педро или доном Педро Черным. И причины для этого оказались чрезвычайно серьезными. До сих пор в некоторых селениях Андалусии считают недобрым знаком носить имя Педро (или нарекать им младенца), исходя из того, что Св. Петр трижды отрекся от Христа. Этого набожный андалузский народ ему не простил, несмотря на все его последующие заслуги, отсюда и появилась известная поговорка: «Ni mozo Pedro ni burro negro» ('Ни парней по имени Педро, ни черных ослов').

Как уже говорилось, имя может отражать и социальное положение, и даже профессию родителей, которую, может быть, наследует ребенок. Это происходит потому, что в Испании практически каждый святой является покровителем определенной профессии или рода деятельности. Так, *San Mateo* – Евангелист Матфей – мытарь, сборщик податей до того, как его призвал Иисус, – покровительствует адвокатам, банкирам, вообще всем профессиям, связанным с финансами. *San Jerónimo* – Св. Иероним – знаменитый создатель Вульгаты – перевода Библии на латинский язык – покровитель переводчиков, библиотекарей, библиофилов, филологов и т. п. *San Eloy* – Св. Элой – герой многих легенд, где он творит чудеса с металлами – покровитель всех кузнецов, ювелиров, слесарей-механиков и еще множества профессий.

Но испанцам столь близка игровая стихия речетворчества, основанная на каламбурном обыгрывании любой языковой единицы, что огромный список серьезных святых покровителей уже в наши дни дополняется шуточными каламбурными покровителями. В этом списке покровителем авиаторов становится *San Poncio Piloto*, шоферов – *San Frenando*, кинематографистов – *San Filmín*, спортсменов – *San Gimnasio de Loyola y sus ejercicios*, и уж совсем удивительный святой отвечает за конец света – *Sanseacabó*.

Хотелось бы остановиться еще на одном аспекте рассматриваемой темы. Емкое латинское выражение «*Nominis umbra*» – «тень имени» – определяет его знаковый или символический характер, отразившийся во влиянии имени на судьбу его обладателя, независимо от того, принадлежит ли это имя реальному историческому персонажу или герою произведения литературы и искусства.

Имя Кармен благодаря французам Мериме и Бизе стало мифологемой, символом страсти андалузской женщины и испански вообще. Действительно, в Севилье вам покажут и табачную фабрику, на которой работала созданная французами Кармен, и памятник ей. Однако старшее поколение

испанцев хорошо помнит другую – реальную Кармен – жену каудильо Франко, любительницу ожерелий и ценных украшений, прозванную за это *Collares*. Итак, в сознании испанцев сосуществуют две Кармен, у одного имени две «тени» со своими комплексами нарицательности.

Благодаря Федерико Гарсиа Лорке имя Антонио стало символом цыганской отваги и доблести тореадора, как в сознании испанцев, так и нас, испанистов. Интересно, что из 210 самых известных в Испании то-реро наибольшее число действительно носит имена *Antonio* (на втором и третьем месте *Manuel* и *José*). А вот имя *Carmen* не слишком популярно в Андалусии, по статистике на первом месте традиционно были и остаются имена *Rocío* и *Macarena* – двух самых почитаемых в Андалусии Богоматерей.

Имена собственные, реалии, которые, может быть, в наибольшей степени ярко характеризуют национальную языковую картину мира, а в Испании служат еще и инструментом языковой политики, становясь мифологемами и даже именами-концептами (такими, например, как Хуан или Кармен) способствуют взаимопроникновению национальных картин мира. Мировую культуру трудно представить без испанских имен-символов, эти имена давно уже неотъемлемая часть нашего мира, опыта и языкового сознания.

Любопытно, что русские имена, в свою очередь, порой довольно необычно укореняются в испанской почве. Кто бы мог подумать, что одним из самых популярных имен в Андалусии станет уменьшительное от русской Екатерины – *Katiuska*! В разные годы оно входило в 10–20 самых популярных женских имен в Андалусии благодаря когда-то очень популярной одноименной сарсуэле и полюбившейся испанцам искрометной главной героине, щеголявшей в резиновых сапогах, с тех пор так и называющихся в Испании – *Katiuskas*.

¹ Флоренский П. А. Имена. М., 1990. С. 511.

² Кстати, это имя до недавних пор считалось вышедшим из моды, т. к. им называли мальчиков, родившихся в Леоне и Старой Кастилии во времена франкизма, а сейчас это имя не всегда указывает на малую родину его обладателя, оно просто снова вошло в моду.

³ Leinor de Aragón – reina de Navarra e condesa de Foix (1420–1479). Leonor de Austria (1498–1558) – reina de Portugal e de Francia, hija de Felipe I *el Hermoso* y Juana *la Loca*. Leonor de Castilla – reina de Aragón (m. 1276). Leonor de Trastámara – reina de Navarra (1387–1415). Leonor Plantagenet – reina de Castilla (1156–1214). Leonor Telles de Meneses – reina de Portugal (m. 1405), casada con Fernando – Leonor Urraca de Castilla, llamada la *Rica hembra* – reina de Aragón (m. 1455).

⁴ Diccionario Manual Sopena. Enciclopédico e ilustrado. T. 11. Barcelona, 1978. P. 1293. Конечно, это издание – перепечатка более раннего издания, в 1978 г. многие статьи словаря выглядят анахронизмами, однако они в полной мере характеризуют эпоху, их породившую.

